

Большой железный котёл сторговали за двадцать пять лян. Он был тяжёлый, массивный, добротный. Су И попробовал приподнять и сразу понял, что не осилит. Пришлось Чжун Мину взять его обеими руками и донести до их торгового прилавка.

На противоположной стороне улицы сегодня за прилавком стояла Лян-ши, жена третьего дяди. Завидев котёл, она подошла, провела ладонью по гладкому металлу, постучала пару раз костяшками пальцев и одобрительно кивнула:

— Вот это да, хорошая вещь! Толстый металл, добротная работа. Если правильно ухаживать, прослужит много лет.

Когда котёл хорошо «выкормлен», он не ржавеет, не пригорает, всё в нём готовится ровно. А если ухаживать плохо, да ещё поручить дело тем, кто не умеет варить и жарить, случается, что дно прожигают насквозь. Про такие случаи на рынке любят рассказывать с усмешкой.

Глядя, как дела у Чжун Мина и Су И идут всё лучше, Лян-ши полна была радости. Ведь Чжун Мин остался сиротой, когда был ещё мальчишкой. Их семьи жили по соседству, и она вместе со второй сестрой нередко присматривала за ним, словно за родным сыном. Теперь, видя, как он обзавёлся домом и делом, сердце у неё ликовало, будто собственный ребёнок встал на ноги.

Поставив тяжёлый котёл за прилавком, Чжун Мин огляделся. В этот час покупателей было немного. Он снял с плеча холщовую сумку, встряхнул, и медные монеты в ней звякнули, переливаясь звуком.

— Тётушка, — сказал он, — пусть А-И побудет с вами, поболтайте немного. А я схожу за соевым соусом. Может, что-нибудь ещё нужно прихватить по дороге?

Лян-ши подумала, но сразу ничего не вспомнила. Теперь, когда они торговали на Южной улице, нужное всегда было под рукой. Захотелось чего - встал и купил. Уже не так, как раньше, когда дома вечно чего-то не хватало.

Однако, спустя миг, она вспомнила одну важную вещь и сказала:

— Если будешь мимо идти, загляни в зерновую лавку, узнай, сколько нынче стоит дроблёный рис и белый рис. У нас в бочке почти пусто. Если цена подходящая, завтра пошлю твоего третьего дядю, пусть купит побольше, принесёт домой.

Для людей, живущих на воде, рис - дело первостепенное. Продав рыбу, покупаешь рис - это и есть основа жизни, потому за ценами на зерно следили особенно внимательно.

Получив поручение от тётушки Лян, Чжун Мин взял глиняный кувшин для соевого соуса и, свернув за угол, первым делом зашёл в зерновую лавку, чтобы потом не нести соус, боясь расплескать.

У прилавка он спросил о ценах: белый рис нынче стоил тридцать шесть вэней за шэн, дроблёный - семнадцать. Подмастерье, похлопав себя по груди, уверил:

— Всё свежее, урожай этого года!

Чжун Мин запомнил цену и заодно купил цзинь красной фасоли и два цзиня арахиса в красной шелухе. Дома ещё оставались ягоды годжи, подаренные семьёй Чжан. Если взять всё вместе и добавить коричневого сахара и фиников, можно было сварить кашу «пять красных» - питательную и согревающую. В ближайшие шесть-семь дней он собирался варить её по вечерам, чтобы супруг и младший брат ели понемногу и румянились от здоровья. В преддверии зимы в Цзююэ всегда бывало сыро; если начать укреплять силы заранее, к холодам уже не простудишься.

Купив соевый соус, Чжун Мин взял кувшин в одну руку, свёрток с крупами в другую. Возвращаясь привычной дорогой, он проходил мимо клиники старого Ли и вдруг увидел, как Чжун Шоуцай выходит из дверей, поддерживая Бай Янь под локоть.

«Неужели невестка заболела?» — настороженно подумал он.

Чжун Мин замер на месте, не спеша подойти. Он сам когда-то упоминал дома о клинике старого Ли: хвалил, что тамошний врач берёт недорого, да и лечит толково. Но, конечно, говорил он это вовсе не в надежде, что кому-то из своих придётся туда идти.

Приглядевшись повнимательнее, он заметил: и Чжун Шоуцай, и Бай Янь выглядели совершенно довольными, на лицах улыбки, ни тени тревоги.

Странно, — подумал он. — Если не заболели, что им там делать в клинике?

Не найдя объяснения, он дождался, пока их фигуры скроются за углом, после чего продолжил путь и вскоре вернулся к прилавку. Тётушка Лян-ши уже не сидела рядом с Су И, она перешла на противоположную сторону улицы, где торговала ракушками. У них на прилавке товара оставалось немного: несколько цзиней моллюсков и мидий. Пока те лежали в ведре с морской водой и ещё активно выпускали песок, за свежесть можно было не беспокоиться. Продаст, и можно домой. Не то что Чжун Мин с Су И: им с их соусами приходилось дежурить до самого заката.

Чжун Мин рассказал Лян-ши о ценах на рис, и цены, прямо сказать, были не из дешёвых. Лян-ши вздохнула, ничего не ответила. Обычному человеку и так живётся нелегко, а уж людям воды, числившимся «низшим сословием», и подавно. Им даже назвать себя «простыми жителями» уже почти честь. С другой стороны, хорошо, что у них теперь есть торговый прилавок: если бы не он, налог на вылов одной только рыбы стоил бы им мешка риса, а то и двух. Одно воспоминание об этом вызывало боль в сердце.

Подумав об этом, Лян-ши по-доброму улыбнулась племяннику:

— Дома я сделала пирог из таро, и варёным, и жареным он вкусный. Вечером скажу А-Бао принести вам немного, пока свежий. Съедите в тот же день, не пропадёт.

— Спасибо, тётушка. Тогда примем с благодарностью. Сяо Цзай как раз недавно говорил, что хочет пирога из таро, а мы с А-И всё заняты, руки не доходят приготовить.

— Ещё захочет, просто скажи, — махнула рукой Лян-ши. — Ты же знаешь, я люблю баловать своих ненасытных ребятишек всякой домашней снедью, заодно и вам перепадает.

Сказав это, она уже решила про себя - вечером обязательно положит им кусочков побольше.

О том, что он видел у дверей клиники Чжун Шоуцзя с женой, Чжун Мин тётушке рассказывать не стал. Зато вечером, по дороге домой, всё же поделился этим с Су И.

То, что он сам не смог понять, Су И разгадал сразу.

— Добрые новости из клиники редко приносят, — сказал он с улыбкой. — А если уж оба такие довольные... может невестка в положении?

Лю Ланьцао родила сына Лу Фэна уже в зрелые годы, и Су И тогда долго жил у тётки, так что видел беременность от начала до конца и в таких делах разбирался куда лучше простодушного мужа.

— А ведь верно, — удивился Чжун Мин. — Что ж я сам не догадался? Они ведь уже больше года женаты - самое время.

Тем не менее, подобные вести не полагалось разглашать прежде трёх месяцев, пока плод не «укоренится». Так что, хоть оба и догадались, они сделали вид, будто ничего не знают, и никому об этом не обмолвились.

Через несколько дней вторая тетька Чжун Чунься, должно быть, тоже что-то услышала и с улыбкой напомнила Чжун Мину и Су И, мол, пора бы им самим тоже позаботиться и быть внимательнее. Особенно если учесть, что у геров не то, что у девушек, у них ведь нет месячных, чтобы по ним понять, когда можно ожидать ребёнка.

- Так что не затягивайте, — наставляла Чжун Чунься. — А то всё работаете без продыху, то в горы, то в море, не ровен час, если зачать, а потом из-за усталости повредите дитя, пожалееете, да поздно будет.

Су И в это время перебирал в корзине сушёных каракатиц. С каждым словом его лицо всё ниже склонялось к бамбуковым прутьям, пока от него не остались видны лишь кончики ярко-красных ушей, выглядывающие из-под волос.

Чжун Мин, зная, какой у него стеснительный супруг, поспешил перехватить инициативу: мягко взял тётку под локоть и отвёл в сторону, к корме, где было потише.

— Вторая тётя, — сказал он вполголоса, — мы с А-И ведь совсем недавно поженились. Говорить об этом пока рано.

Чжун Чунься легко выдернула руку.

— Что значит «рано»? — парировала она. — Дети приходят, когда судьба велит. Одни быстро, другие медлят. Разве они предупреждают заранее?

Чжун Мин неловко почесал нос. Конечно, объяснять, что они с Су И нарочно откладывали «дело» до переселения в новый дом, он не мог. Ребёнок это, конечно, дело судьбы, но и без определенных действий он сам не появится.

Поэтому он уклончиво ответил:

— Мы всё понимаем, тётя. Ты уж не тревожься, у нас всё под контролем.

На деле же Чжун Чунься прекрасно понимала: здоровье у Су И с детства слабое, за несколько месяцев после замужества он почти не набрал веса. Значит, зачать ребёнка ему, скорее всего, будет нелегко. Пусть лучше тело окрепнет, тогда и беременность пройдёт спокойнее, и для взрослого, и для будущего ребёнка будет безопаснее.

Она помнила, как её старшая невестка пострадала, когда носила младшего Сяо Цзая - надорвалась, да ещё и смерть старшего брата её подкосила. Через несколько месяцев от болезни не стало и самой невестки...

От этих мыслей сжалось сердце, и Чжун Чунься, чтобы отвлечься, направилась к носу лодки проверить сушёных каракатиц. Опыт у неё в сушке морепродуктов был солидный: подняла одну, сжала пальцами, проверила, и уверенно сказала:

— Не спешите убирать, пусть полежат ещё пару дней. Видишь, чуть влажноваты. Если не досушить как следует, плесенью покроются.

Но увы, на сей раз удача им не улыбнулась. Прежде чем каракатицы успели досохнуть, с моря потянуло бурей: поднялся ветер, потемнело небо, запахло дождём - надвигалась «драконья сила», так называли местные ураган. Все рыбацкие лодки поспешно вытаскивали на берег. В прибрежных деревнях такое зрелище повторялось каждый год не раз: словно муравьи, люди носились туда-сюда, укрывая всё, что могли. Каждый понимал - лениться нельзя: после одного-единственного шторма можно остаться без имущества, без дома, без средств на жизнь.

Кто рискнёт ставить на это?

— Сегодня ночью дождь пойдёт! Все окна и двери поплотнее закройте, ночью держите ухо востро, пусть мужики не спят мёртвым сном! — глашатай, внук старосты, обходил окрестности, ударяя в медный гонг.

Гулкое дзинь-дзинь перекатывалось по склону горы, а маленький каменный дом семьи Чжун стоял тихий и крепкий, словно островок спокойствия среди тревоги. Всё, что у них было ценного, уже сложили в угол, даже тяжёлый железный котёл перетащили сюда. Посреди комнаты громоздился каменный жернов, служивший и «оберегом», и удобной подпоркой для настила. На нём постелили циновки, подушки, свободного места почти не осталось, но именно в этой тесноте ощущалось особое спокойствие: все свои, все рядом.

— Одеяла вот тут, — сказал Чжун Мин, проверяя, всё ли сухо. — Одно постелим под себя, другим укроемся, так и заночуем. Холод не проберёт.

Ветер за стенами стонал всё сильнее, запах моря смешивался с сыростью. Ночь обещала быть холодной. Чжун Мин невольно вспомнил прошлый тайфун, когда Су И слёг от простуды. Как же ему тогда было жаль смотреть на его бледное лицо... и как хотелось тогда отругать Лю Ланьцао за то, что вовремя не позаботилась.

Он наклонился к огню, раздувая угли в маленькой глиняной печке:

— Сегодня ни к дяде, ни к тёте не пойдём, — сказал он мягко. — Разведём огонь тут, на своей печке. Приготовим рис на пару с рыбой, сварим рыбный суп, поедем горячего и сытного, и пусть за окном хоть море переворачивается.

Тёплые постели, горячий ароматный ужин - разве можно сравнить нынешнюю жизнь Су И с тем, как он переживал прошлый тайфун? Тогда не было ни постели, ни горячей еды, а теперь у него есть каменный дом, надёжная крыша и собственный очаг. Су И невольно ощутил, как сердце наполняется благодарностью. Поддержав слова мужа, он тихо сказал, что в доме остались яйца, можно приготовить ещё одно блюдо, запарить с ними потроха каракатицы. Это простое, но удивительно вкусное кушанье: на тарелку выкладывают промытые потроха, сверху разбивают яйцо и вместе ставят на пар. Когда достаёшь из печи, всё блестит от сочного соуса, а вкус мягкий, хрустящий, насыщенный. Блюдо подходит и старикам, и детям, все едят с аппетитом до последней ложки.

Чжун Мин, конечно, тут же согласился. К закату три блюда одно за другим сошли с огня. Рыбный рис приготовили из большеглазого окуня. Мясо у него белое, нежное, с тонким морским ароматом. Су И и Чжун Хань получили по одной рыбке, а Чжун Мин, как самый крупный, съел две. В суп пошла песчаная рыба - страшная с виду, с огромной головой, зато мясо у неё гладкое, без единой чешуйки, почти как у тофу. Пока она варилась, бульон стал густым, молочно-белым; Су И добавил туда ещё крупную белую редьку.

Когда они втроём сели за еду, от горячего пара на щеках выступил румянец. Стоило сделать несколько глотков супа, и по телу разливалось приятное тепло, прогревая до костей. Всё вокруг шумело дождём, а им было спокойно и уютно, будто весь мир сузился до света

маленькой печи и трёх довольных людей у очага.

Додо доел свою маленькую песчаную рыбку, умыл мордочку и, подпрыгнув, ловко забрался на жернов - самую высокую точку в комнате. Очевидно, ему приглянулось это место, и он решил, что сегодня будет спать там, охраняя дом.

На стене под потолком торчал вбитый деревянный штырёк, на котором висел фонарь. После умывания и прочих вечерних хлопот Чжун Мин первым делом уложил младшего брата в постель. В Цзююэ зимы не такие уж холодные, но хлопок стоил дорого, и у большинства рыбацких семей одеяла были набиты не пухом, а мягкими пушистыми перьями тростника. Когда он женился, то всё же потратился и заказал два настоящих ватных одеяла, пусть не особенно толстых, но приятных на ощупь и удивительно тёплых.

Маленький Чжун Хань ещё никогда не спал под таким одеялом: едва укутался, как тут же засопел, свернувшись клубком. С края жернова свисал пушистый хвост Додо, лениво покачиваясь из стороны в сторону. Су И, скрестив ноги на циновке, сидел у сундука, на котором стояло бронзовое зеркальце, и неторопливо расплетал волосы.

Чжун Мин подошёл помочь ему. Он развязал тканевую ленту, и длинные волосы, целый день стянутые в пучок, мягко распались, чуть завиваясь и ниспадая, словно водопад. Он невольно протянул руку и провёл пальцами по этим лёгким, тёплым, живым прядям.

— Сегодня ночью я останусь на карауле. Ты и Сяо Цзай спите спокойно, — тихо сказал он.

Су И нахмурился:

— Я посижу с тобой.

Чжун Мин усмехнулся и слегка потер мягкую, тёплую, податливую мочку его уха.

— Не нужно. «Караулить» - громко сказано. Я ведь не собираюсь бодрствовать всю ночь. Просто дождусь, когда пойдёт дождь, проверю крышу, двери, окна. Если всё в порядке, лягу рядом.

— Тем более я должен остаться с тобой, — не уступал Су И.

Он заметил, что на воротах у мужа один из отворотов поднялся, и, не задумываясь, поправил его, пригладив пальцами. Чжун Мин перехватил его руку и, не отпуская, коснулся губами каждого пальца поочерёдно, заканчивая на шестом коротком, изящном мизинце, словно запечатывая поцелуем обещание.

Мизинец дрогнул, и от этого лёгкого движения у Чжун Мина у самого защекоталось губы. Он, прикрывая их обоим своим телом, склонился ниже и поцеловал другую, ещё более нежную

точку.

Спустя какое-то время они тихо отстранились. Су И поднял руку, чтобы потереть чуть онемевшие губы, дыхание у него сбилось, но вскоре стало ровным. Больше они не говорили о ночном дозоре. Когда Су И потянул мужа к себе под одеяло, Чжун Мин без всяких возражений уступил и лёг рядом.

До полуночи небо прорвалось дождём, гром ударил с оглушительным грохотом, молния рассекла тьму. Даже Чжун Хань проснулся и испуганно сел в постели. Чжун Мин и Су И быстро успокоили малыша, проверили двери, окна и крышу - всё оказалось целым, нигде не протекало и не сквозило. Вернувшись, Чжун Мин поправил брату одеяло, потом обнял супруга, укладывая его хрупкое тело к себе на грудь.

— Всё хорошо. Спи, — шепнул он, закрывая глаза.

Каменный дом снова погрузился в тишину. Ночь прошла спокойно.

<http://bllate.org/book/13583/1205048>